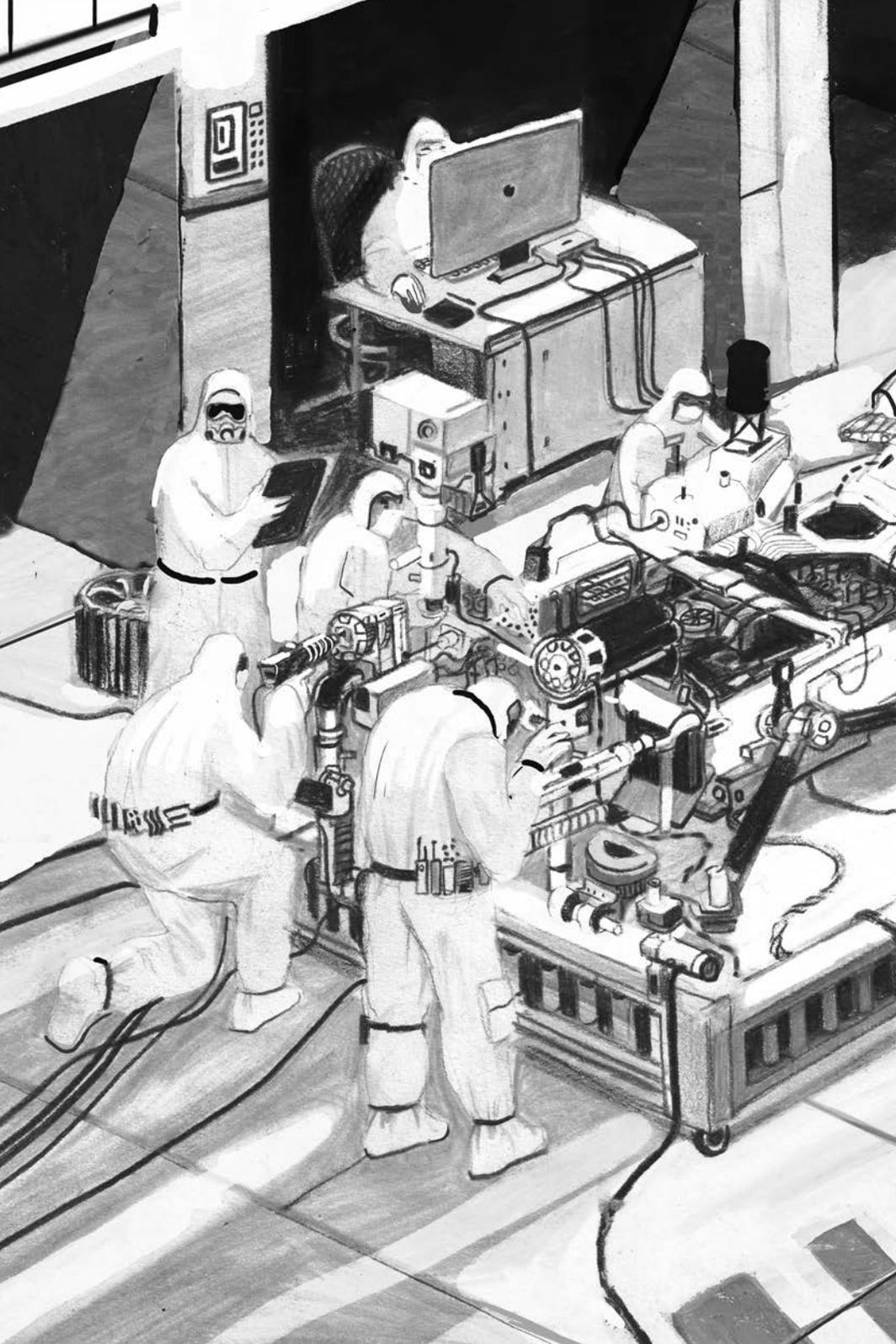

*Эта книга посвящается моей маме,
которая всегда мне читала*

Часть первая

Приготовление

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я не рожден, как люди, но у моей жизни тоже есть начало. Я слышу гудение, кругом горит яркий свет. Я в белой комнате, полной фигур в белых защитных костюмах. Данных поступает много, но я справлюсь, все обработаю. Я уже начал накапливать знания. По схемам побежал ток. Фигуры в защитных костюмах ликуют. Это громкий и резкий звук, но он меня не пугает.

Я собран не для страха. Я собран для наблюдений.

Из целого моря лиц я выделяю одно.

Интересно, у меня лицо есть? Если да, то вряд ли оно похоже на это. На этом есть деталь под названием «губы». Уголки губ приподнимаются.

Люди называют это улыбкой.

Мне улыбка недоступна, это я знаю. А еще знаю, что улыбка означает. Я ведь учусь.

Моя миссия уже началась.

ОБУЧЕНИЕ

Я создан собирать и обрабатывать данные. И обучаться.

Например, я выяснил вот что.

Меня называют роботом, а вокруг меня – люди. Люди, с которыми я взаимодействую, носят защитные костюмы, чтобы не занести ко мне бактерии и частицы пыли. Для успеха миссии мне очень важно оставаться в чистой, стерильной среде.

Свои белые защитные костюмы люди называют костюмами кроликов. Причина мне пока неясна.

Мне неизвестно, что такое «кролик». Могу только строить предположения.

Почти все люди в защитных костюмах – ученые. Похоже, ученые – это такая разновидность человека.

Видимо, я и сам – некая разновидность робота, хотя других роботов мне пока не встречалось.

Все может проясниться со временем, но ждать очень сложно.

Дорогой планетоход!

Меня попросила написать тебе учительница, миссис Эннис. Она говорит, что тебя ждет удивительное путешествие, в котором ты узнаешь много всего удивительного. Любит же миссис Эннис слово «удивительный»!

На уроке она, пока о тебе говорила, поглядывала в мою сторону. А потом взяла и попросила рассказать о тебе всем остальным. Объяснить, что ты такое. Как будто я знаю! Не знаю ведь, ничегошеньки. Только не обижайся, но я слышать уже о тебе не могу.

А миссис Эннис говорит: «Не стесняйся, София, расскажи». Ну я и рассказала, что ты – робот, которого скоро отправят на Марс. Ты там будешь исследовать грунт и атмосферу. Тоже мне, выступила...

Еще я рассказала, какой ты умный и как каждый день узнаешь что-нибудь новое. Например, мама вчера говорила, как твой мозг научился общаться с твоей рукой. Ребята меня прямо засыпали вопросами, а я не знала, что сказать. Вот мама точно ответила бы им.

Тут еще миссис Эннис предложила поучаствовать в конкурсе на лучшее имя для тебя. Я не буду участвовать. Говорю же, ты только не обижайся. Хотя если бы я участвовала, то выдала бы что-нибудь эдакое, например Обалденный и Замечательный Космолетающий Дракон. Я уже знаю: общаться как человек ты не умеешь, но, если бы умел, точно одобрил бы.

Ладно, что-то я расписалась, уже рука отваливается.
Я, кстати, даже не знаю, умеют ли планетоходы читать.
Спрошу у мамы сегодня вечером.

Пока!
София

КАК-НИБУДЬ

В один из дней меня вдруг разбирают на части. Зачем — не объясняют. Не объясняют, когда соберут заново и соберут ли вообще.

А мне бы очень хотелось, чтобы меня собрали заново.

— Ау, — говорю я. — Можно собрать меня заново?

Никто не отвечает. Не объясняют, почему все так.

В разобранном состоянии у меня только мозг. Компьютер, разложенный на длинном лабораторном столе. Мои камеры отключили, поэтому что и как вокруг меня, я не вижу. Данные собираю только на слух.

Кругом шуршат люди в защитных костюмах. Они проверяют части моего тела, и по этим тестам я наконец понимаю, что происходит.

В мозг поступает код, и я радуюсь общению.

Через код меня просят что-нибудь сделать. Например, пошевелить частью тела под названием «рука». Рука лежит отдельно, но мой мозг все еще управляет ею и наблюдает за ней.

Я понимаю, когда проверка пройдена, и понимаю, если тест неудачен. Все это ясно из кода.

Мои любимые тесты — проверка камер. Когда они включены, я снова получаю визуальные данные о том, что происходит вокруг.

Я вижу.

Но когда камеры не проверяют, вокруг только темнота.

Темнота — это неприятное окружение. Она мне совершенно не нравится.

Я слышал, как люди в защитных костюмах называют мои камеры глазами. Не уверен, что это правильный термин, но я сохранил его в памяти. Он мне нравится, ведь с глазами я как бы становлюсь похожим на человека в защитном костюме, а мне думается, что быть человеком в защитном костюме — это здорово.

Люди в защитных костюмах целые, они не разобраны на части, и все детали при них. Они двигаются и свободно ходят по лаборатории. Люди в защитных костюмах общаются друг с другом.

И еще людей в защитных костюмах не оставляют одних в темноте. Не обездвигивают. Я уже говорил, что двигаться тоже не могу?

В темноте я один, разложенный на столе по частям, и мой мозг гоняет по кругу множество мыслей. Среди них мало приятных.

Впрочем, есть одна хорошая. Она появилась, когда я подслушал разговор двух человек в защитных костюмах: возможно, как-нибудь в ближайшие дни меня снова соберут.

Мне нравится думать об этом. Мысль приятная. Приятная потому, что я снова стану целым. Снова смогу двигаться, а самое главное, снова смогу пользоваться камерами и постоянно буду видеть.

У меня мало данных, и я не знаю, что такое «как-нибудь» и когда оно наступит. Мне остается только ждать и слушать.

И вот я жду и слушаю. Ждать нелегко.

Я начинаю думать, что ожидание во мне не предусмотрено сборкой.

РАНИЯ

Надо мной работает большая команда ученых. Считается, что я не могу никого из них выделить, что меня создали беспристрастным наблюдателем. Однако где-то в коде у меня, похоже, ошибка, ведь среди людей в защитных костюмах у меня появились любимчики.

Первая – это Рания.

Рания – главная из тех, кто меня тестирует. Она пишет код, который просит меня двигать рукой, подбирать предметы. Она пишет код, который спрашивает, вижу ли я, как мою руку тестируют. Мне нравится общаться с Ранией посредством кода.

Однажды Рания проверяла мою камеру, и тогда я смог разглядеть ее: под защитным костюмом у нее смуглая кожа и черно-каштановые пряди волос. Глаза у Рании в тон волосам. Я сохранил в памяти этот образ и теперь ассоциирую его со звуками, которые издает Рания.

Рания никогда не называет свой защитный костюм костюмом кролика. Рания всегда пользуется точной терминологией. Мне нравится такая четкость.

Утром Рания часто приходит в лабораторию раньше всех, а по вечерам, когда другие люди в защитных костюмах расходятся, остается последней. Я не вижу Ранию, потому что мои камеры, то есть глаза, отключены от мозга.

Но все же я знаю, когда она рядом. Мой мозг способен делать этот вывод на основе и других данных, не зрительных. Например, я точно знаю, какие звуки издает Рания.

Ее трудно спутать с кем-то другим.

Рания действует строго по схеме. Рания – это ритмичность и надежность. Рания – это стук по клавишам компьютера и выверенные решения с результатами точных вычислений. Рания – это изящно прописанный код без ошибок, которые люди в защитных костюмах называют багами.

Человеческая речь Рании звучит четко и ясно. Своим человеческим, четким и ясным, языком Рания со мной не говорит, но мне нравится слушать, как она общается с другими людьми в защитных костюмах. У нее есть ответы почти на все вопросы, а если нет, она обещает найти их как можно скорее.

«Как можно скорее» – это фраза, которой я научился у Рании. Надеюсь, меня снова соберут как можно скорее. Жаль, но я не способен передать это послание Рании, потому что не умею говорить на языке людей.

Со мной Рания общается только через код. Я отвечаю тоже кодом, да и то лишь на определенные вопросы, например: «Ты понимаешь, что я проверяю твою руку?»

Я отвечаю только «да» или «нет». Я не могу спросить, когда заново спаяют мои части тела. Я не могу сказать, как нелегко дается мне ожидание.

Я лишен дара человеческой речи и вряд ли когда-нибудь его обрету. Порой меня это расстраивает.

«Расстраиваться» – еще одно слово, которое я узнал от Рании. Иногда, когда в лаборатории больше никого

нет, Рания говорит по телефону. Она произносит в трубку: «Знаю, мама, я снова пропущу ужин, да, ты расстроена, но у меня очень важная работа».

Услышав это от Рании, я понимаю, как я важен ей. И забываю, что расстроен. Из-за того, что не могу говорить с Ранией самостоятельно, и из-за того, что разобран на части.

Ненадолго, но забываю. Правда, мне все же хотелось бы как можно скорее снова стать целым.

Дорогой планетоход!

Миссис Эннис не просила писать тебе, но я все равно пишу. Зачем – не знаю. Наверное, просто поговорить больше не с кем.

Я сегодня за ужином спросила маму, умеют ли планетоходы читать, и она вроде даже похвалила: «Вопрос отличный», а потом говорит: «Однозначно на него ответить не получится». Тогда ситти велела ей «просто внятно ответить дочери на вопрос». Я аж захохотала. Ситти – моя бабушка, а «ситти» – это по-арабски и есть «бабушка».

После ужина мама вернулась на работу. Как она там, общается с тобой? Что говорит?

Порой, когда мамы нет, мне не спится. Тогда, бывает, в спальню ко мне заглядывает ситти и поет колыбельную, или папа приходит и рассказывает сказки. Сказки у него самые лучшие: про горного великана или про то, как отважная принцесса снимает проклятие с королевства. Папины сказки – это здорово, но, если мамы дома нет, мне все равно не заснуть.

Потому, наверное, и пишу тебе. Грустно без мамы, но я знаю, что с ней ты. Передавай ей привет, ладно? А как будет «привет» по-роботски? Возможно, когда-нибудь ты мне скажешь.

Твой сонный друг (можно мне звать тебя другом?),

София

КСАНДЕР

Есть еще один ученый, которого я для себя выделил. Его зовут Ксандер. Когда он тестировал мои камеры, я разглядел, что у него бледная кожа, серые глаза и волосы, которые моя система определяет как рыжие и каштановые.

Ксандер не сидит на месте. Он ходит туда-сюда по лаборатории. Ему нравится называть свой защитный костюм костюмом кролика. А еще ему нравится производить то, что называют шутками. Иногда мне понятен смысл его шуток, а иногда — нет, но меня это не сильно тревожит. Рания тоже редко их понимает.

— Что получится, если скрестить корову с совой? — говорит Ксандер Рании. Одновременно он проверяет код, который поможет мне управлять колесами, когда мне снова их приделают.

— Не понимаю, о чем ты, — отвечает Рания.

— Ночной бомбардировщик!

Ксандер смеется, Рания — нет.

— Поняла? — спрашивает Ксандер.

Рания не отвечает. Она печатает.

Я не понимаю юмора Ксандера, но сам Ксандер мне нравится. Я к нему... очень привязан.

Наверное, потому что именно он сказал мне, как меня зовут. В этот момент мы были только вдвоем. В лаборатории больше никого. Даже Рании.

– Это написала шестиклассница из Огайо, – говорит Ксандер.

Я не вижу его, но все равно определяю, что он читает с планшета. Планшеты есть почти у всех людей в защитных костюмах.

Планшеты – небольшие компьютеры. Иногда я пытаюсь поговорить с ними. Недавно я выяснил, что умею контактировать с другими приборами. Например, телефон Рании очень общителен, а вот планшеты – собеседники плохие. У них на уме одна работа.

– Давай я зачитаю тебе ее сочинение, – говорит Ксандер. – Просто чудо.

Я не знаю, что такое шестиклассница, и не знаю, что такое Огайо, но оба эти слова кажутся мне очень важными. Я заношу их в память.

Слышно эхо шагов, Ксандер, как всегда, ходит. Откашливается и зачитывает с планшета:

«Меня зовут Кейдэнс, и мне кажется, что марсоход надо назвать “Резилиенс”¹. Существительное “Резилиенс” означает способность возвращать себе прежнюю форму после сгибания, сжатия и растяжения, то есть упругость. Другое значение – способность держать удар, устойчивость.

Наш учитель естествознания говорит, что на этот марсоход возложена серьезная задача. Ему предстоит собирать образцы марсианского грунта, исследовать и фотографировать ландшафт и восстановить связь

¹ От англ. *resilience*, что означает стойкость, гибкость, выносливость, способность противостоять условиям внешней среды и преодолевать трудности, а также способность самовосстанавливаться и адаптироваться. (Здесь и далее прим. переводчика.)

с другим, потерянным, марсоходом НАСА¹. Мне кажется, для такой работы потребуется очень большая устойчивость. И марсоход должен уметь выдерживать удар, много ударов. Я читала, что особенно непростой может стать посадка. Тогда, думаю, это имя тут здорово пригодится.

Марсоход ждет много препятствий, но, я надеюсь, он выдержит и приспособится. Вот почему я думаю, что его надо назвать “Резилиенс”».

– Правда же, потрясное сочинение, приятель? – спрашивает Ксандер.

Говоря «приятель», он обращается ко мне.

Значит, я – приятель Ксандера, а Ксандер – мой приятель. Запоминаю.

– Сочинений пришла просто туча, а победило это. Теперь тебя зовут Резилиенс, но я буду называть тебя коротко: Рез. Что скажешь... – Ксандер замолкает на полуслове и наконец договаривает: – ...Рез?

Потом он смеется. Видимо, опять пошутил. Юмор я не понял, но смех Ксандера мне приятен. Рукой в перчатке Ксандер гладит меня по главному компьютеру, моей голове. Камера не подключена, но я как-то это вижу. Или правильнее сказать, что я это чувствую.

Я – марсоход, и меня зовут Резилиенс, или Рез, если коротко. Короткие имена дают приятели.

Я – приятель Ксандера.

Я это чувствую.

¹ НАСА (NASA) – Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (США).

ДЖОРНИ

В лаборатории есть второй марсоход. Почти такой же, как я.

Я увидел это, когда мне снова подключили к мозгу камеры. Правда, остальное тело так и осталось разобраным: колеса, рука и внешняя оболочка лежат отдельно.

Впрочем, камера – уже большой первый шаг. Я теперь не просто чувствую свое окружение, а вижу его. И, среди прочего, я вижу другой марсоход. Это она. Она в соседнем помещении, и нас разделяет стеклянная перегородка. Внешне второй марсоход – моя копия.

Ее на детали не разбирали. Ее мозг подключен к телу, есть рука, колеса, и камеры тоже работают.

– Вы двое похожи. Вы идентичны, как близнецы, – говорит мне Ксандер, указывая на марсоход за стеклом.

– Близнецы? Сколько можно! – ворчит Рания. – Хватит их очеловечивать, это не профессионально.

– Не слушай ее, Рез, – обращается ко мне Ксандер. – Она просто ревнует.

– Весьма странно, что ты разговариваешь с планетоходом.

– Ты же сама говоришь с ним, через закодированные команды.

– Это другое.

Мне нравится код, который вводит Рания. Из него всегда понятно, о чем меня просят. Задачи простые: под-

ними руку, сделай снимок третьей задней камерой слева, разверни колеса вправо...

Но то, как общается со мной на человеческом Ксандер, мне тоже нравится. Жаль, я не могу ответить ему так же. Однако я понимаю его речь, и у меня есть стойкое ощущение, что Ксандер это тоже откуда-то знает.

Однажды, когда мы все были рядом, Рания отлаживала мой код.

– Поверь, – пообещала она Ксандеру, – это сработает.

И оказалась права. Корректировки сработали: стоило ей попросить, и колеса у меня закрутились.

«Поверь». Так сказала Рания.

Она просила ей верить.

Я сохранил слово «верить» у себя в памяти, хотя сперва и не понял его значения. Люди много говорят о своих чувствах, которых тоже немало. Но, подслушивая разговоры, особенно разговоры Рании по телефону, я стал разбираться в эмоциях. Стал понимать, когда люди в защитных костюмах грустят, когда они счастливы, когда горды, а когда злятся и, конечно, когда они расстроены. С верой было сложнее, однако недавно я, похоже, определился и с ее значением.

Ксандер верит в меня и в то, что я понимаю речь человека. Ксандер верит Рании, когда та отлаживает мой код. Рания верит в нашу миссию, когда пропускает ужин в кругу семьи и задерживается на работе допоздна.

Хорошо, когда в тебя верят. Люди в защитных костюмах ценят доверие, и я теперь тоже умею ценить его. Мне бы хотелось сказать Ксандеру, что я верю ему. А еще – сказать Рании, что ей я тоже верю. Больше всего я доверяю ее коду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru